

Кочуков Сергей Анатольевич

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕГО ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА)

В статье рассматриваются некоторые аспекты отношения среднего офицерского состава к русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Исследование обозначает проблему единства офицерского корпуса и правящих кругов Российской империи в поддержке идеи освобождения балканских славян от турецкой зависимости. Вместе с тем, подчеркнута принципиальная разница в определении различными представителями среднего офицерского состава русской армии целей войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. II. С. 120-123. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Основной отличительной чертой восточной историографии является ее «ортодоксальность», поскольку государственные летописи никогда не переписывались, а их содержание не подвергалось сомнению. Добывались этого, например, в Корее периода Чосон (1392-1897 гг.), путем уничтожения всех исторических записей после того, как была составлена официальная летопись династии. В результате, не оставалось никакой альтернативы государственным хроникам, а следовательно, отсутствовала возможность составления альтернативной истории [5, р. 224]. В этой традиции отсутствует тяга к абстрактному теоретизированию на темы философии истории. В отличие от Европы, где даже в эпоху жесткой религиозной регламентации у хрониста оставались некоторые возможности для абстрактных индивидуальных рассуждений.

Подводя итоги, следует сказать, что историографическая традиция Кореи обладает несомненной преемственностью по отношению к традиции китайской, сложившейся на основе конфуцианства. Первые летописи на Корейском полуострове имеют весьма древнее происхождение – IV в., однако в дальнейшем, выполняя пояснения и комментарии различных событий, корейские историки ссылались, в основном, на сочинения китайских ученых. Ситуация изменилась лишь во времена династии Ли (1392-1897 гг.), когда уже существовали наработки корейских летописцев. Но даже в этой ситуации историографы Корейского полуострова не отказались полностью от китайских источников, продолжали использовать их наряду с корейскими.

Список литературы

1. **Ким Бусик.** Самгук саги (Исторические записи Трех государств) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Korea/Kim_Busik/index1.phtml?id=2314
2. **Baker D.** Histories and Counter-Histories: Writing the History of the Korean People, in the Past, the Present, and the Future [Электронный ресурс]. URL: ubcdebaker.shawwebpace.ca/asset/view/5653/histories_counterhistories.pdf
3. **Breuker R. E.** Writing History in Koryo // Korean Histories. 2010. Vol. 2. № 1.
4. **Ch'oe Yong-ho.** An Outline History of Korean Historiography // Korean Studies. 1980. Vol. 4.
5. **Sato M.** The Archetype of History in the Confucian Ecumene // History and Theory. 2007. Vol. 46.
6. **Shin M. D.** Major Trends of Korean Historiography in the US // Sungkyun Journal of East Asian Studies. 2003. Vol. 3. № 1.

KOREAN HISTORY WRITING TRADITION (THE PERIOD OF THREE KINGDOMS – LI DYNASTY) IN THE CONTEXT OF MODERN HISTORIOGRAPHY DEVELOPMENT

Anastasiya Anatol'evna Kolomina

*Department of History and Regional Studies
Tomsk National Research Polytechnic University
kolomina_a@mail.ru*

The author analyzes the little-studied problem of history writing tradition formation on the Korean Peninsula since the first historical writing onset till the period of Li dynasty, reveals the origin of the notion “history” in the East, determines the first historians’ specificity and functions, describes the most significant historical works of that period and considers the influence nature of China history writing on the Korean historiographical tradition development.

Key words and phrases: historiography; Korean Peninsula; historical works; historiographical tradition of the Far East; Three States; Goryeo; Li Dynasty; Samguk Saga (History of Three Kingdoms); “lishi” history.

УДК 9(470)«18»

В статье рассматриваются некоторые аспекты отношения среднего офицерского состава к русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Исследование обозначает проблему единства офицерского корпуса и правящих кругов Российской империи в поддержке идеи освобождения балканских славян от турецкой зависимости. Вместе с тем, подчеркнута принципиальная разница в определении различными представителями среднего офицерского состава русской армии целей войны.

Ключевые слова и фразы: русская армия; офицерский корпус; русско-турецкая война; Балканский полуостров.

Сергей Анатольевич Кочуков, к.и.н., доцент

*Кафедра российской цивилизации и методики преподавания истории
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
kochukovsgu1974@yandex.ru*

АРМИЯ И ОБЩЕСТВО В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ СРЕДНЕГО ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА) ©

В вооруженном конфликте на Балканском полуострове в середине 70-х гг. XIX в. в полной мере проявились все достоинства и недостатки профессиональных военных России – офицерства. Ни в одной войне до

русско-турецкой 1877-1878 гг. русский офицерский корпус не играл такой значительной роли. Если до 1875-1878 гг. русский командный состав был, по сути, лишь исполнителем воли правящей имперской элиты, то с момента назревания очередного Балканского кризиса офицерский корпус перестал быть исключительно силовым орудием в руках официального Петербурга. Русские офицеры интересовались не только сугубо военными, профессиональными делами, но и рассматривали, в основной своей массе, надвигающиеся балканские события как своеобразное изменение геополитического положения страны в южно-европейском регионе, не забывая при этом и об исторической миссии России в деле освобождения балканских славян. Существенную роль в изменении самого облика русского офицера сыграли именно события на Балканском полуострове, которые развернулись в этом регионе в середине 70-х гг. XIX в.

Знаменитая военная реформа 60-70-х гг. XIX в., проводимая главой Военного министерства гр. Д. А. Милютиним, началась именно с изменения системы подготовки офицерских кадров. Г. Плеханов, учившийся в Константиновском военном училище, писал: «С тех пор как военным министром сделан был Милютин, началась поистине новая эра: шагистика почти отставили... преподавание было осмысленным, программа учебных заведений значительно увеличена, телесные наказания почти совсем выведены из употребления» [2, с. 176]. Тем не менее, эти преобразования еще не решали всех вопросов, в том числе – изменения облика офицерского состава. Но важно отметить, что обособленности корпуса офицеров от проблем страны не было. Также не было и отдаленности от русского общества, напротив, можно говорить об офицерстве как о составляющей части общественной структуры страны. Действительно, весь русский офицерский корпус, а не только гвардейские офицеры, нес много «светских обязанностей» [7, с. 134]. Офицеры вращались в «высшем свете», где «светскость» и офицерство отлично уживались. Более того, русские офицеры интересовались теми же проблемами, что и все русское общество. Для 70-х гг. XIX в. самой насущной и, безусловно, интересной темой для обсуждения и в «свете», и в армейских кругах стал именно Балканский вопрос. Для русского офицерства он стал интересен еще и тем, что давал возможность взять своеобразный реванш за унижение в Крымскую войну и Парижский мир.

Нельзя считать, что русские офицеры восприняли войну как некую данность. Они интересовались событиями на Балканском полуострове задолго до вооруженного столкновения с Османской империей, следили и за национально-освободительным движением в Сербии, Болгарии и Черногории. То, что «надо заступиться... беспрерывно надо помочь» [14, с. 26], было для русского офицерства совершенно очевидным.

С момента начала освободительного движения на Балканах в России прослеживается стремление организовать добровольческое движение в поддержку славян. Среди добровольцев, отправившихся на Балканы, было 640 офицеров. Значительное влияние на мировоззрение русского офицера по отношению к Балканской проблеме и возможной войне с Турцией оказывали так называемые «командировки в зарубежные страны» [11, с. 144], имеется в виду волонтерское движение в 1875-1876 гг. на юге Европы.

Основная масса офицерского корпуса ждала разрешения Восточного вопроса в виде русско-турецкой войны, в том числе и для того, чтобы хоть как то изменить свою устоявшуюся «скудную событиями» жизнь. Генерал А. А. Брусилов, герой Первой мировой войны, так описывал ситуацию в армии: «Много было толков о войне среди офицеров, которые ее пламенно желали... особенно нетерпеливо рвались в бой молодые офицеры, наслушавшиеся вдоволь боевых воспоминаний от своих старших товарищей, участвовавших в Турецкой войне 1853-1856 гг. и в кавказских экспедициях... Радовались предстоящей новой и большинству незнакомой боевой деятельности (все почему-то сразу уверовали, что без войны дело не обойдется)...» [3, с. 21]. Брусилову вторит и генерал А. Ф. Редигер, который заявлял: «Все пришли в волнение, газеты читались нарасхват, вся молодежь (*имеются в виду молодые офицеры – С. К.*) мечтала о том, чтобы попасть на войну» [10, с. 86].

Начиная с 60-х гг. XIX в. в Военное министерство и Министерство иностранных дел из офицерской среды поступают различные проекты решения Восточного вопроса и оказания помощи южным славянам. Эти многочисленные проекты не были личной инициативой русского офицерства. Сербские и болгарские власти, как официально, так и в частном порядке, не раз обращались в Петербург с просьбой прислать специалистов для оценки военных возможностей княжеств [13, с. 59]. Одним из самых примечательных и интересных документов подобного характера, является, докладная записка штаб-ротмистра Н. Н. Раевского «О необходимости посылки русских офицеров в Турцию для помощи славянам в борьбе против турок» [6, д. 957, л. 4]. Этот проект Раевский адресовал директору Азиатского департамента МИД П. Н. Стремоухову. В том, что война между Россией и Турцией рано или поздно начнется, у Николая Николаевича не было сомнений. Но Россия, по его мнению, должна была быть подготовлена к такому повороту событий и не оказаться в ситуации, подобной 1854 г., когда страна осталась один на один с коалицией европейских государств и в военно-стратегическом плане оказалась абсолютно не готовой к войне. Именно отсутствие союзников в борьбе против Османской империи привело, по мнению Раевского, к условиям Парижского мира. В качестве основного союзника России на Балканском полуострове рассматривалось именно славянское население. Офицер писал по этому поводу: «Ввиду постоянного усиливающегося волнения на Балканах всякому не посвященному в тайны политики становится ясно, что с наступлением весны там должно вспыхнуть всеобщее волнение христиан против своих мусульманских властителей. На этот раз дело уже не ограничивается испрашиванием каких-нибудь прав, прекращением некоторых злоупотреблений, а восстание будет иметь целью совершенное освобождение христианских племен от турецкого ига. Для России такое разрешение восточного вопроса было бы как нельзя более желательно не только с точки зрения ее собственных интересов, но и для

того, чтобы обеспечить успех этого выступления и возможность открытого вмешательства в дела Турции. В том случае, если попытка помочь этим племенам освободиться от Турецкого ига окончится неудачно, она (*Россия – С. К.*) должна немедленно принять меры, чтобы доставить им все средства, необходимые для того, чтобы выйти победителями из предстоящей борьбы» [Там же, л. 1].

Весь русский офицерский корпус смотрел на развитие балканских событий оптимистически: большинство полагало, что предстоящая борьба не потребует больших усилий и продолжительного времени. По мнению современников, «подъем духа в армии и в обществе был значительный и наше офицерство, а тем более юная молодежь, с нетерпением ожидало открытия военных действий и жаждало участвовать в популярной войне за освобождение своих братьев из-под всякого ига неверных» [1, с. 201]. По словам ротмистра В. В. Воейкова: «Наконец, раздался царский голос, война была объявлена, и войска двинулись на Дунай. Надо было видеть всеобщую радость: знакомые и незнакомые поздравляли на улицах друг друга с объявлением войны. Манифест и газеты раскупали нарасхват. Воинственная горячка охватила всех; все старались быть причастниками к делу. Кто хлопотал поступить в действующие войска, кто в Красный крест, кто жертвовал, кто пил за успех русского оружия; одним словом, всякий старался как мог, выразить свою готовность быть хоть чем-нибудь полезным в эти важные минуты и способствовать победе Креста над Луной» [4, с. 7].

Военная кампания против Османской империи началась для большинства русских офицеров так, как они того желали: с торжеств, праздничных мероприятий, прощальных обедов, а главное, означала перемену обстановки [12, с. 65]. Эмоциональные воспоминания оставил офицер Д. Озеров: «Сильное возбуждение охватило выпускной класс пажей весной 1877 года, когда была объявлена война Турции. Мы все пылали желанием как можно скорее попасть на войну, сразиться за веру православную за братьев славян. В нас кипела жажда славы, жажда пострадать за родину. ...После литургии, за напутственным молебном, наши родные, знакомые и даже не знакомые плакали и умилялись, смотря на нас, юнкеров, с иголки одетых офицеров, а мы уже чувствовали себя закаленными в боях, опытными воинами» [9, с. 1-3].

Примечательно, как менялись настроения офицеров в ходе войны. Если им первоначально было «душно оставаться в Петербурге, сознавая, что на Дунае идет война» [5, с. 5], то уже в ходе боев урапатриотические настроения сходят на нет, их заменяет «удрученное, придавленное состояние, которое сказывалось на всех после первой же испытанной неудачи, какое-то разочарование, обида чувствовались в каждом» [Там же, с. 70].

Об определенной опустошенности участников войны пишет в своих воспоминаниях князь Мещерский, чувствуются даже нотки определенного разочарования в победителях: «...я жаждал рассказов о боевых подвигах; но вскоре понял, что состояние духа, в котором были наши вчерашние герои-богатыри, мешало им увлекаться и жить свежими впечатлениями прошлого: они были именно в состоянии какого-то полусна или оцепенения, без энергии для жизни и даже для рассказов» [8, с. 401].

Действительно, настроение русских офицеров сильно изменилось. Если в начале войны это были блестящие представители офицерского корпуса, жаждавшие действия, исполнения исторической миссии и даже приключений, то в 1878 г. под стенами Константинополя это были совершенно другие люди: «Боже, какой у них вид был после этого страшного усиленного трудного похода: измученные, усталые, почти голодные и нравственно убитые известием о том роковом “стой”, которое судьба произнесла в тот миг, когда они вынесли все невзгоды, все тяжести похода с надеждой все забыть в стенах взятого Царьграда» [Там же]. Вероятно, что на настроение русского офицерства повлиял психологический фактор: большинство из них предполагало пройти победным маршем по улицам Константинополя, и отсутствие символической репрезентации победного окончания войны создавало эффект несбывшихся надежд.

Список литературы

1. Баланин Д. Турецкий поход 1877-1878 гг. СПб.: Издательство А. С. Суворина, 1897. 350 с.
2. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке: военно-экономический потенциал. М.: Наука, 1973. 616 с.
3. Брусилов А. А. Мои воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звездный мир, 2004. 446 с.
4. Воейков В. В. От Дуная до Царьграда (1877-1878): записки участника. М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2008. 208 с.
5. Гершельман Ф. Воспоминания о турецкой войне 1877-1878 гг. СПб.: Военная типография, 1908. 362 с.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 730. Оп. 1.
7. Месснер Е., Вакар С., Вербицкий Ф. Российские офицеры // Офицерский корпус русской армии: опыт самопознания: российский военный сборник. М.: Русский путь, 2000. С. 127-152.
8. Мещерский В. П. Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 687 с.
9. Озеров Д. На поле битвы (из воспоминаний офицера). СПб.: Военная типография, 1897. 156 с.
10. Редигер А. Ф. История моей жизни: в 2-х т. М.: Канон-Пресс-Ц, 1999. Т. 1. 576 с.
11. Сергеев Е. Представленческие модели имперских военных элит накануне Первой мировой войны // Российская империя в сравнительной перспективе. М.: Новое изд-во, 2004. С. 140-149.
12. Сухомлинов В. А. Воспоминания. Мемуары. Минск: Харвест, 2005. 624 с.
13. Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. СПб.: Алетей, 2007. 160 с.
14. Яковлев Н. Н. Участие русского народа в освободительной борьбе славян в 1876-1878 гг.: автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М., 1964. 68 с.

**ARMY AND SOCIETY IN THE RUSSIAN-TURKISH WAR OF 1877-1878
(BY THE EXAMPLE OF MIDDLE OFFICERS)**

Sergei Anatol'evich Kochukov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian Civilization and History Teaching Methods
Saratov State University named after N. G. Chernyshevskii
kochukovsgu1974@yandex.ru

The author considers some aspects of middle officers' attitude to the Russian-Turkish war of 1877-1878, discusses the problem of the Russian Empire officers corps and ruling circles unity in support for the Balkan Slavs liberation from the Turkish dependency and at the same time emphasizes the fundamental difference in war aims definition by the various representatives of the Russian army middle officers.

Key words and phrases: Russian army; officers corps; Russian-Turkish war; Balkan Peninsula.

УДК 111.1

В статье рассматривается проблема онтологической инициативы капиталистической экономики Нового времени, когда фундаментальный экономический принцип баланса спроса и предложения совпадает с имманентным принципом автономности субъекта.

Ключевые слова и фразы: субъект; мышление; центр; трансцендентность; имманентность; баланс; спрос; предложение; цена; товар.

Олег Константинович Кошмило, к. филос. н.
Кафедра философии и политологии
Санкт-Петербургский торгово-экономический институт
koshmilo-ok@yandex.ru

**ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНИЦИАТИВА КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ
ЭКОНОМИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ[©]**

Фундаментальным событием, определившим своеобразие эпохи Нового времени, стал антропоцентричный поворот, вследствие которого бытие приходит в крайность человеческой субъективности [9, с. 68]. Новое мировоззрение полагает основанием мира человека с его уникальной способностью разумности. Концептуальная инициатива антропоцентричного поворота принадлежит французскому философу Рене Декарту, который особой интеллектуальной процедурой *cogito* полагает в качестве центра одноименной системы координат мировосприятия человеческий разум. По мотивам картезианского замыкания мира на человеческое *cogito* все экономические институты также фокусируются на человеке. Утверждая себя как центр системы координат мировосприятия, человек теперь несет самостоятельную ответственность по отношению к балансировке своего спроса и своего предложения, согласования своих потребностей и возможностей без упования на милости природы и Божью благодать. Экономика Нового времени основана на балансе человеческого спроса и человеческого же предложения: *человеческий Спрос* \approx *человеческое Предложение*.

Автономное *cogito* и его математическая символизация

Центрируя мир, человеческий разум, сознание занимает то привилегированное место, которое ранее принадлежало инстанциям космического и божественного законодательства, своим доминированием определявшим мировоззрение прошлых эпох. Теперь точка отсчета мировых линий фокусируется на полюсе самосознания, и «лишь в самосознании (Субъекта) как понятии духа – поворотный пункт сознания, где оно из красочной видимости чувственного посюстороннего (Античности), и из пустой тьмы сверхчувственного потустороннего (Средневековья) вступает в духовный дневной свет настоящего (Новое Время)» (*примечания в скобках авторские*) [5, с. 99]. Автономное сознание помещает на своё собственное основание, делая возможным то, чтобы теперь «человеческая мысль вырвалась из-под власти жестких детерминаций мифического порядка и занялась разработкой науки, где все объекты науки осознаются ясно и отчетливо» [1, с. 94]. Особенностью антропоцентричной парадигмы является импликация точки баланса между миром и человеком внутрь самого субъекта, а содержанием нового системного центра мира оказывается абсолютная *свобода* субъекта. По словам Декарта, «безразличие, присущее человеческой воле и *сущностно составляющее ее свободу*, есть безразличие активное, благодаря которому воля может сама себя направлять на одну из противоположностей или на одни из различных вариантов действия», тем самым «...подчеркивание свободы безразличия служит акцентированию человеческой самодеятельности, спонтанности, независимости в принятии решения ни от какой инстанции» [Цит. по: 7, с. 131]. Центр баланса между субъектом и миром более не скрыт в непроницаемой сакральности природной вещи Античности и не обусловлен верой в трансцендентное значение божественного символа Средневековья, но на достоверном для субъекта основании капитализирован в математическом символе Нового времени.